

Андрей Белозёров

Трое

(К новым берегам)

Средь бела дня в городе на Днестре опять звучали выстрелы... Горожане, сбитые с толку пропагандой, свыклись и с этим выяснением первенства—между милицией ПМР и полицией Молдовы. В отличие от Тирасполя левобережного, Бендеры занимали позиции умеренные в стратегиях Разрыва, травимых политехнологами, и... пожинали плоды. Головной же офис Республики непризнанной в тылу находился. И через годы заслуги как центра атаки мозговой будет превозносить, упустив, что победу на острие меча добыл ему сосед правобережный. Однако бендерчане полагали до последнего: перебесятся лидеры в газетах и по телевидению; словно и не пылали на прежде единой одной шестой веси— в Абхазии и Осетии Южной; а армянские и азербайджанские кунаки по зачину мундиров не наставляли в пылу «калаши» друг на друга... а тут только волю дай!

1.

...Двадцать второго июня, по прошествии полувека от начала Войны большой, война малая, междоусобная (коварная не менее), в Бендерах была в разгаре. На занятию армией конституционной микрорайоне «Ленинский» люд местный принимал тяготы восстановления целостности государственной... В подвал пятиэтажки жилой, расположенной бок о бок со штабом вояк (в отделении местном кинопроката), под дулами автоматов были водворены ввечеру двое мужчин с гематомами на лицах и женщина, почти юная, без признаков глумления. Тела их изнывали от усталости. — Господи, за что?! Знаю! Тридцать лет жилось волно: школа с медалью, вуз, точил репортажи как полагаются... Ударишься и в мистику: в ответе, мол, за всё, за всё, за всё!..

— Пальцы твои без следов пороха... Ещё несколько сот метров побудь для них машиной землеройной, а дальше— свобода!.. Ещё чуть-чуть...

— Крови на нём нет, ты права, девочка, да взяли-то его с корочкой на кармане, хе-хе, корреспондента

издания сепаратистского! Окопы для него— поклонь Богу: умолять, чтобы рытьё не прекращалось! И мясо ладоней стереть до костей... А ты говоришь...

Голос выдаёт амбиции обладателя, он старше лет на десять протагониста... Всполохи дальние и ближние освещают помещение через оконце под потолком. Дворницкая. К стене привалившись, старший вбросил в пыль ноги в туфлях израненных. Объект же критики едкой в джинсах изгвазданных— напротив, об руку с заступницей своей. — ...Расстреляют!— в беспросветности катал младой какую-то лепёху тонкими, как у пианиста, пальцами в садинах.— В окопах слышал: *четверых уж!* Сутки отпахали под обстрелом— а всё равно: если не знаешь языка, значит, наймит вражеский!.. — Отличник: вспомни десяток слов молдавских...

Спутница желала успокоить младшего из мужчин. Ощущалось, что не жена ему, но есть между ними притяжение. Высока и стройна, как с подиума; на лицо ж не совсем легитимна в привлекательности: косоглазие... А вот голос нежный, грудной... — Оставьте, девушка, миссию гуманитарную: будем к смерти готовиться, хе-хе. Зачем иллюзии питать?... Ну что в ней, в жизни-то: дрожать и бежать, дрожать и бежать!.. По молодости боялся не успеть в деле любом— к примеру, жениться не на той; дети пошли— опять страхи: как они, что, кровинушки мои?... Боялся: империализма, сионизма, распада Союзу и, наконец,— объединения Молдовы с Румынией!.. Потому и искал сразиться— с судьбой. Три дня катавасии сей— верите, гора с плеч: не боюсь!.. Стрельба в районе «Северный» меня застала, я ж шёл на юг, на «Ленинский»: все *оттуда, я— сюда!*.. Близ Крепости у позиций ПМР казаки просили пулемёт на крышу девятиэтажки подсобить. Помог, ради Бога! По периметру же части российской у автовокзала— ни выстрела тебе: хранит нейтралитет армия. А поодаль снаряды ссаживают деревья, как лопухи, обыватель кишками тротуары метёт, провода виснут, асфальт дыбится... А мне хоть бы хны: не бегу! Ведь я порвал и с теми, с кем не просто порвать... Да брось ты глину мять!

Трибун задумался. Прежде чем началось *это* (чего избегал в помыслах обыватель), он расточал

себя на толпу уличную, на лица, дома не усидев. Оборотил как-то взор к глянцу витринному—и «возлюбил» себя, апологета порядка нового: готов был отражению дать пощёчину! Ведал: не без участия рьяного его вспыхнет вот-вот в городе родном. И что смог? Самоустраниться, когда карьера взлёт обещала!.. И стало так: взирал в горожан с иным блеском глаз своих испытующих и жадных. Уже не с войной заодно.

— А я только начинаю—*бояться!*— младший швырнул лепёху в проём оконный, где гул крепчал.—И невдомек: *почто?*.. Да, журналист, но учился-то я в Кишинёве...—он не закончил мысль.—Скорее б утро—и за лопату! «Шма Израэл! Адонай элэхейну, Адонай эхад!..»—«Слушай, Израиль! Господь наш Бог, Господь один!..»

Пролетело *нечто* по-над крышами кинопроката—штукатурки метель здесь, в дворницкой... То ли залп по центру города бунтарского, то ли обратка в колеснице огненной. Всё сдвигалось в какофонию: и близкие мин шлепки, и дальние во чреве земли гаубиц насаждения... также и трели автоматные и пулёмётные, вдёрнутая харизма в них... Такой футбол!

— Помолился—и нет *жуткого*, так ведь?—оживилась девушка, усилив голос в канонады наплыв.—Сказал же товарищ: «Война—с плеч гора!..»—смерила раскосого старшего, одобряя.—На все воля Божья, за чередой событий грозных взойдёт и их приятия *лёгкость*... Роман Кундеры по радио «Свобода» слушала я в час начала войны...

Полемист заядлый и тут не удержался, сшибая всё и всех в бездны разбитные:

— И давно это у вас—увлечение *волнами?*—но ответ его не интересовал, гнул *своё*.—Слушал некогда и я «Голос», будучи уверенным, что не застучают, хе-хе... а вот ныне со спецкором «Свободы» соседствую по площадке лестничной—времечко-то?—Вы знаете Хладнюка?—пуще забрала тоска младшего.—Он в газете нашей лил на мельницу сепаратизма. Но потом... Вот из-за перевёртышей этих я в овнах жертвенных?

— Опять разволновался,—застонала напарница—и с вызовом к оппоненту:—Я бы просила не давить! Заразителен ведь негатив. Возлюбите себя—и вокруг всё изменится!

— Городишь чушь, милая! Если я извернусь, как йог, и лизну в обожании пятку свою—приятеля твоего не расстреляют?! Или он из сепара обернётся в конституционалиста?!

— А за что вы меня так?—младший разобраться желал.—Мы ж в упряжке одной. Я прикрывал вас, когда вы то и дело залегали. У меня, между прочим, мозоли кровили... и у неё,—берёт ладонь девушки,—но мы продолжали грызть окоп... А вы всё не спускаете?

— Догадайся с трёх раз!—оппонент глядел на парочку, не мигая.

— Хм. Претерпевать в лапах наци—и самому изводить *такого* же бесправного! И перед расстрелом, сверкая очами, не упустите попрёка курчавому, не правда ли?

— Заладили, мужчины: еврей—не еврей! Я наполовину русская, на другую—молдаванка; полукровок *они* называют манкуртами!

— Да уж, куда забавнее на фоне этого лозунг *их* нынешний: «Русских—за Днестр! Евреев—в Днестр!..»—приснул молодой. Он и не думал обижаться, по большому счёту.

Помолчали под раскат очередной.

— Меня Владимиром зовут,—сменил тон старший.—Не поверите: сороковник вот стукнул позавчера—под вой сирен штаба ГО... Давайте уж знакомиться, весь день ведь мантулили бок о бок...—Ефим, тридцать лет, корреспондент газеты «Новый путь». Бывший теперь уж *кор*.

— Дойна, двадцать пять, руководитель хора церковного.

— Вот и славно... По вопросу же *главному*: мне, русскому, обидно, что на сутки третьи за евреями автобусы пригнали из Кишинёва! А горожане иные—мастью не вышли?

— Я отверг шанс сей эвакуации в пользу детей и стариков,—не сбавлял и Ефим.—А *лозунг дня*: про русских и евреев на Днестре... *кому* пришлось бы ту же в ситуации, как думаете?—но махнул рукой; стряхнул и с головы ошмётку.—Кормить нас будут?

— Проголодался—значит, в порядке *мóлодец*, а я уж думала...—Дойна решала уравнение сложное.—Слушай, Ефим, а взял бы ты меня в жёны, если б не уродство моё?

— В клинике одесской косоглазие правят в одночасье... Свадьба скорая, ха: а вдруг женат паря?—подкинул ей неизвестных Владимир.

— Я холост. И, вероятно, женился бы на Дойне...—Ефим к Владимиру.—Утром мы попутчиками случайными на вояк этих напоролись. Они вскинули дула в нас, а я не смог откреститься—от удостоверения чёртова... Она ж бросилась под «калаши», кричала по-молдавски, чтобы убивали обоих, так как *муж и жена* мы!

— Ох, Ефим, не трави душу!—Дойна лицом в ладони.—Мной погнушались!.. Ничего нет хорошего в насилии, но если тебя отвергают *те*, кому позволено всё...

— Дура! Радуйся, что солдатня не попользовала. В книгах о войне девки сажей мазались, чтобы не глянуться фрицу. А ты—берёза стройная... Ефим, угомони девчонку!

— Дойна, милая...—тень Ефима от всполоха взметнулась по стене.—Обещаю: если не расстреляют, заживём на лоне Красного и Средиземного... В новом году в Иерусалиме!

— Честно?! Ефимушка, я сейчас *опять* зарыдаю. От радости...

— Куда уж честней: ты ему жизнь спасла. Торжествуй!.. Вот только мужику русскому податься некуда. В новом году в Иерусалиме, однако!— взялся за голову в показном. . .

— У нас любовь—вы не допускаете?—и ушёл в рефлексию Ефим:— Вот *оно*—перед казнью всё только и встало на места! А ведь я всегда думал о месте в жизни. Теперь подальше—от политики и от территории проклятой извергов и рабов!

— Манифесты лидерам-сепаратистам кропают *виновен!*—Владимир цербером у врат.

— Познал, как Свобода даётся!—отмахнулся Ефим; потом к Дойне:— Ты со мной?

— Куда она денется?.. Будто забыл: *в любой момент!* Крысам оставят на плитах этих!

— Впрямь!—хлопает Ефим себя по лбу.—В минуту любую... рас-с-стрел! *всё, что они могут!*..—обнимает Дойну.—А вот хрена!..—тянет кукиш в окно.—Когда ты их умоляла, а они смеялись, я тогда и решил: будем вместе!.. А вы,—к Владимиру,—нарушите приличие—и меня ваша категория весовая не остановит! Это я с виду хлюпкий. . .

— Успокойся, Ефим: Владимир—шутит. Он просто такой всегда. . . Вы такой ведь?—Дойна к Владимиру.— Я не шучу. Если не дают еды пленникам, значит, завтра других на окопы.

— И что мы можем изменить?—Дойна, также ополчаясь в диспут.

— Готовить побег.

— Вот тогда точно пиф-паф,—едва улыбнулся Ефим.

— Не смейте!—Дойна всплеснула руками.—Надо ждать!

— Ха, умолить небеса на участке тщедушном?—Владимир торжествовал в отчаянии.—На евреев глянь, девочка: сотни лет ожидания в алию обратили!.. Надо бороться!—к Ефиму:—Помни: у них не диплом твой, а корка сотрудника, что по линии издания гнёт!

Пауза. Канонада набирает обороты и опадает. Ливнем сыплется где-то стекло битое.

— Что-то мне лицо ваше знакомо,—поднял глаза на мучителя Ефим.—Быть может, *они* заинтересованы именно в *вашем* расстреле?

— Да, я один из лидеров комитета рабочих, вернее, бывший. . . И с тобой, Ефим, мы коллеги, беря во внимание пару-тройку воззваний, подправленных мастеровито рукой твоей. . . Доложи это усачам с «калашами», уверь их, что в сеть угодила рыбёха!

Ефим выругался; Владимир продолжил:— Я отвечал за организацию митингов. Через форму данную мы и сколачивали Фронт антинационалистический; в помощь нам—газеты, телевидение-радио. А вот курировали нас—всё *те же*, кто испокон верховодит. И наци сплошь—под контролем тем. . . Заявить же открыто о приготовлениях того и другого лагеря к войне я не решился, кишка тонка. . .

— А здесь, в плену?—встряла Дойна.— *Что* здесь?

— И тут я—узник совести, и там—в Одессе, в Кишинёве или в Москве, без разницы!

— Вы не пытались дать интервью «Свободе»?—спросил Ефим.

— Верно, я вот слушаю волны, и многие в ПМР их слушают,—воспрянула Дойна.— *Знаю* и Хладнюка, он бывает в храме на службах воскресных. . . с батюшками общается. . .

— Замаливает грешки, сосед хренов!—сверкал глазами Владимир.

— Мы бессильны против охраны вооружённой!—вернулся Ефим в русло.

— *Кое-что* в наличии!—Владимир подобрал брючину, обнажил привязанный к ноге нож армейский.—Вот почему я залегал во рву и прятался за тебя.

— Ой, не нравится мне это! Ой, мужчины. . . Ой!—Дойна себя превозмола гортанно.

— Тише, Дойна!.. Дело говорит Владимир. Нужно бежать!

— Дождёмся конвоира. Ефим отвлекает, а я подступлюсь сзади. . . и. . . прощай город!

— Я бегаю хорошо. . .—часто дышала Дойна.—В направлении полей, там и тропка. . . Я проведу,—и опомнилась враз:—Только не насмерть: человек не овца, чтоб резать!

— Вот и вечно у вас, барышня-христианка,—*как бы*. А богам войны крови подавай! По богу и богомольцы!—Владимир пребывал в *диком* поле разума, знал это.

— Руки-ноги связать. . .—Ефим тянул ремень брючный свой, на прочность апробируя его.—Да и у вас—кожаный. . .—к Владимиру.—Резать не надо. Человек всё же.

А Владимир метал молнии:

— Э-эх!.. И я курицы не заколол, чёрт возьми,—по этой части жена. . . Но сейчас перегрызу кадык каждому. И вам приказываю: собратиться в кулак!

— Детский сад!—срывалась Дойна.—Отдайте нож,—ринулась к Владимиру (Ефим удержал, она села).—Нужно покаяться. *Они же*—по праву. Мы—раскольники!.. Надо молиться. Безучастным Бог не останется. Нас *трое*, а где *трое во имя* Его, там и Он!..

— Предложу *им* денег?..—Ефим разошёлся во имя спасения всеобщего.—По сотне за каждого—и дело в шляпе! Могу и по двести баксов. . .

— Как *им* отпустить тебя за деньгой?.. Или еврей хитрый гроши в труссы зашил?

— Ещё вариант,—не сдавался Ефим.—Здесь недалеко квартира бабули покойной моей, там серебро столовое, *кое-что* из утвари. . . облигации. . . Если, конечно, дверь цела.

— Да уж, дверь любую вышибают ныне в поисках диверсантов. *По праву*, хм. . . Спасение—нож!—поигрывали рьяно блики на оружии холодном в руке Владимира.

— Мужчины, не умножайте зло! Предлагаю солнце встретить с молитвой! Они придут—и увидят нас на коленях: мы молимся за свои и за *их* грехи...

Канонада за окном усилилась. Вгрызался ожесточённо металл в коробки домов, струны асфальтные рвал, шуршал маракасами по окраине многоэтажного... И после каждого разрыва металлофонического, сдвигающего осознания плиты (с чьей стороны залп? на чьей вдребезги осколки?..),—воплъ! *То* жертва очередная сходила—в восторг саднящий, душу испепеляющий... *То*—музыка войны... И *это* передавалось Вселенной!

Ефим бил кулаком о пол пыльный:

— Я *строил* жизнь, планируя, не позволяя прозябания в праздном... никаких игр тебе опасных—лыжи, горы, акваланги... Однокашников, угребающих с песней в армию, я презирал. Не моя зона смысловая! А-ха-ха-ха! Ну-ка дайте нож!!! — Что ты собираешься делать?—всполошилась Дойна.

— Не чини ущерб телу своему, хе-хе!—играл сталью Владимир.—В этом Бог ваш!

Ефим уткнулся в колени, зарыдал. Под футболкой позвонки обозначились. Подросток в катакомбах на игре «Зарница»—заплутал! Дойна тронула осторожно его за плечо:

— Положись на меня.

Владимир, матюгнувшись на сие, встал и устремился в угол, где среди метёлок узрел ящик громоздкий, подтащил к окну его, опрокинул вверх дном и вскочил на него.

— Казаки прорвутся—будет у нас *шанс*. Не прорвутся—окопы на славу мы отрыли!

— У вас, Владимир, ассоциации странные,—произнёс Ефим, всхлипывая.

— Дружище, знаю мысли твои: авось разведка проявит интерес к нам?—Владимир вернулся на место.—Меня ж спасение эдакое троицы нашей не устраивает!

— Я вас ненавижу. И всех, навязавших модель авантюрную на берегах Днестра,—без разницы: разочаровались *лично*, ушли из-под влияния Конторы ли... сволота, дичь. Не даёте жить нам и себе поганите!.. Я вас узнал—как только взялись мы за кирку и лопату!

— И тексты мои правил перед вёрсткой, косолапости фраз усмехаясь... Со мной нельзя быть незнакомым, я на виду!.. Я и есть медведь тот с карикатур голливудских, хе-хе...

— Убейте меня—и меньше слов!

— Что вы такое говорите, мужчины?!

— Убейте; не слушайте её! Ну же...

Владимир вскошил-таки на призыв—и с ходу примерился с ножом к горлу Ефима:

— Ну, пульс участился? Начинаешь *быть* лишь на *острие*!.. Умилостивим Господа?..

Обернулся к Дойне, ухватив её за волосы пышные; приставил ей нож:

— О, возьмём лучше девицу!.. Чик-чирик—и кровушка ручьём!—склоняется к уху Дойны (та ни жива ни мертва):— Женишок твой кудрявый—такая ж рыхля, как и все!

Оттолкнул девчонку; сел под стену на место прежнее.

— Прошу простить слабость мою. Хотел явить: человеко-зверь, загнанный в угол,—опасен!..—и опять же мысли ход.—Не горазды мы на прыжок: так и будем *уповать*.

— Однако Бога вы сейчас призвали, отрицая в Нём—Его же! Вы—на подступах!

— Прибереги песни для хора! Все соплеменники его,—указал на Ефима,—держат Бога за яйца. И Бог впряжён в арбу их сонмом ангелов и демонов... Чтобы объегорить *не избранного*, необходимо во время оное убедить себя—в избранности собственной!.. Евреи знакомые говорят: «Мы, хитрые, научились водить за нос мир при помощи Бога!..» Я же уточняю: «Вы, евреи, таки бестии, научившиеся обводить вокруг пальца *себя*!»

— В этом и ключ! Мы *познали* Бога, а ваше *незнание* ведёт к состоянию животного. Поэтому: «Евреев—в Днестр...» Искоренив нас, вы растянете экстаз самоуничтожения!

— Ты прав, чёрт!—чесал затылок Владимир.— Главное, что мы знаем о *Боге*,—это требование от нас же веры и смирения. А у евреев не сошлась на смирении вера!.. Да, не люблю я брата вашего; надумывал и со скамьи школьной, что вы—инопланетяне,—так как родители мои не имели ответа: почему русские, украинцы и прочие—стаей, а евреи—особняком? *Незदेशные*, задачу блюдут? Но какую?.. А без понимания *миссии* *вашей* (и *миссии*) с места и не сдвинешься в осознании законов социальных!.. И в аппарате у нас шептались все в кулуарах—о всесилии еврейском... Вот и молдаване, прозревая о перемен рычаге, кропают лозунги эти смешные: кого там *за* Днестр, а кого—*в* Днестр...

— Мы в плену у националистов, а сами рубите—с плеча.

— Надо молиться!..—встряла Дойна.—И одолеем беду. Молитва, коей зверь лишён, *усечёт* зла умножение! Ведь то, что Владимир *якобы* не признаёт Бога, а ты, Ефим, *признаёшь*,—в этом споре *уже* Бог. Ибо сказано: «Где трое во имя Бога—там и Бог!..» — Браво: *ждём чуда*?!—ударил в ладоши Владимир.—Ну и невеста у тебя, Ефим: симпозиум *в оковах* завела пред казнью!..

— А вы не можете не затащить в страх!—крыл Ефим.—Сгонять стада дрожащие на митинги, рисуя картины апокалиптические. И потерей свободы третировать рабов! Кредо?

— Стары как мир техники управления, да уж...—Владимир уваливался к стене.

— Всё образуется, мужчины: стихнет свистопляска ночная... всё образуется...

— Лучшее не обсуждается! Сама знаешь: пятых расстреляли на участке; они и рыли могилу себе... А вот другим еду давали. Нам же—воду, как лошадям... Признак гиблый.

— Опять волну гоните?!—вздыхал Ефим, не теряя надежды пронять Владимира.

— Ты верно усёк: страх правит. Но, может, *страх Божий?*—Владимир в репертуаре.

— Так есть!—Дойна вскочила, огладила джинсы, воздела руки к потолку; сообразно моменту изрекла:—Всегда проще ужаснуть, чем подвинуть околично! Страх—не признак бесхребетности, но причина для Духа осознания. Промысел святой!.. Вы оба—*верите*; и вы, Владимир, как бы ни изобличали себя, угодны—так как *горячи!*

— Она к тому же и артистка!.. А что запоёшь, когда поставят нас на краю ямы, которую и выроем?.. Палачи—*тоже* горячи! Ведь горячи, горячи—палачи?.. Хе-хе!..

Ефим охватил голову: опять эти штучки несносные оппонента. И заговорил:

— Вот и сообразили—*на троих!* Смерть на троих! Удел мой: пред лицом Творца—с антисемитом и христианкой. Откровение с петлёй на шее! Кха-ха-ха! Ведут меня на эшафот, а я правлю на манжетах письмо к Тому, кого измыслили предки мои для сделок с гоями!.. И вот они, загогулины,—Огненной Книги текст!—подносит к глазам ладони.—Буквицы неопалимые, чаяния и раздумья... вы служите мне оправданием на Весах! О Господи, мою Книгу переведут на языки мира... Дух аж захватывает!

— Дорогой, что с тобой?—склоняется Дойна над Ефимом, в изречённое им не вникая.

— Не дождутся!—Ефим встал в рост перед антагонистом, отстраняя Дойну.—Социума звено избыточное, коим мнили нас на отшибе антисемиты мастей всех, *ещё* сильно—в цепи *человеков*, в будущее устремлённых!.. Владимир, а вы ведь подметили: за нами, евреями, не просто сила капитала, но и сила *иная!*.. Да, я буду поутру тянуть к ртам с щётками усов диктофон... Но именно *они*, исполнители, будут передёргивать—и затворы, и смыслы, утверждая избранность свою, а *не мою*, дискурса зачинателя!

...Взрыв мощности невероятной потряс здание до основания—в апофеоз реплики Ефимовой. Трагедия личности (триединой) взметнулась в Сферы к Создателю незримому Вселенной явленной,—и—*ответ Небес!!!* Средства информации массовой передадут: «За минувшую ночь артиллерией гаубичной превращён в руины дом пятиэтажный!..» Но это не совсем так. Были сметены квартир угловых стены; в уровне подвальном—также флуктуации конструкций несущих и ограждающих... всё скособоилось *там!* Острога узники залегли; припечатало их, засыпало штукатуркой, кровь пустило из ушей—в июньскую

скрежета зубовного ночь... И канонады гул уступил тишине оглашенной. Но никто ничего не мог произнести (по поводу *стихий означенания*), нужны *ещё* секунды, в вечность распяленные, чтобы артикулировать начать.

По остову двери железной брешь образовалась—с кирпичами шатками, что зубья тебе гнилые. Клубы едкие заволокли подвал... Владимир, припад к решётке окна, *вещал*:

— Бегут! И оттуда—и туда... всё, короче, смешалось!.. Кхе-кхе—горло дым дерёт!.. Мать честная, у них танк горит!.. Знать, Ефим, взыскание к потомкам отменяется: позже с монологами!.. Ба, огонь перебросился на хранилища с кинолентой... мечутся тараканы!.. Много огня и дыма, друзья!.. Ефим, давай вдарим по двери с разбегу! И дело в шляпе!

Выходили, озираясь. Под носом тех, кто мог угрожать расстрелом, но был занят иным: несколько квартир, как пирог в разрезе, явили сурово интерьеры многослойные. И тела мёртвые у подъезда кровавились веско, включая волонтера военного... Ругань, стоны контуженых, раций стрекот... И мирные, и армейские составляли средю суматошную... *Опрометью* через двор под гвалт и шелест шпарящий мин—вперёд, где гаражи и голубятни чернеющие, мусорные баки вывернутые, заборы, клумбы. Тропами, а то и по отмытке бетонной—к фасадам, сливаясь с ними... Нет-нет да и сыпалось стёкол крошево. По беглецам ли лупил снайпер, или обстрел *всех* окон?.. К бордюрам и цоколям, скуля и матерясь во всполохах огненных,—*трое*—по Ефимову адресу...

Через школу и детсад, задворками магазинов разграбленных и изъеденного мин осколками ресторана «Космос»... И чуть на патруль не нарвались, курсирующий по периметру микрорайона. На черепях заводную был похож бронетранспортёр тот с триколором по борту. За остовом оплавленным павильона овощей укрылись от него... За столбом каждым мерещился *кто-то* с ружьём. Но шансом располагали беглецы. Путь до квартиры бабушки Ефима (под разрывами близкими и дальними)—лет в сорок блужданий! Минуты вселенские, распяленные в вечность *оголтело*... «Шма Израэл!..»

2.

Хрущёвка заветная. Во дворе—«козёл» милицейский, в сопли копотные утёртый по бортам шинами сгоревшими... Подъезд первый. По маршам лестничным сердцами громыхали они, пульсом надежды: надо отсидеться, страхами питаясь, ведь нет новостей внятных! И вот уже площадка квартир этажа пятого—и номер «семнадцать» в ромбике на дерматине двери... Рука Ефима тянет ключ. И—стоп! Сквозь скважину—потoki сумеречные. Замок выбит; след рант на обивке! В люк

чердачный по лесенке Ефим карабкается: приютить всех там или осмотреться желает? И—обратно, что пожарник на шесте... Бледен он обнаружения бледностью, как луна светит лицом.

— Пулемёт! — павлином сипит запоздало Ефим.

И в момент сей *из-за* двери шум—рация! Штык-ножом с мозга на живую срез. Там движение, то есть *здесь* уже, в дверях распахнутых: всё полонится башмаков ором, оставивших след ран! И фонарь навстречу шпарит люминесцентно. Обложены они (и те, и эти) заставой перил, ощерились зверьём *на краю*, стресс последний постигая... Рация истерику небес усугубляет: скрежет зубовный! И армейцы блуждают взорами. Затрусил фонарь их—и упал, луч прокрутился. Глаз фары рефлектируют габаритно—в безумии друг на друга.

Разрешила напряг вселенский Дойна—по-молдавски:

— Мэй, домнуде... мы хотели проведать дом свой, но вам важнее... мы—*уходим!*

Владимир и Ефим кивали—в отсутствие апломба иллюзорного. Пользовались фонаря расфокусировкой: высыпавших на площадку рассматривали. Трое их. В лицах мучение нездешнее. Призраки, юные оголтело... Командир же расчёта данного, базирующегося на окраине района занятого, отсутствует. Что и подтвердилось в ответе *на русском*: — Простите *вы!*—голос субтильный.—Лейтенант в штабе, в связи с ситуацией. Как вернётся, переберёмся... Вещи ваши в сохранности,—затем к своим:—Жосан и Рошка, на позицию!...—и жест пригласительный к гостям после отмашки формальной бойцам...

Дойна—уверенно вперёд. За ней Ефим и Владимир. Сержант (форма советская) чему-то улыбается в себе, фонарь и рацию укрощая нервически. Даже по умолчанию читалось: верхолазы, ушмыгнувшие к пулемёту,—села жители диковатые, а этот, *на план* вышедший,—горожанин, холёный и коммуникабельный. Пристроив фонарь на шкафа антресоля, начал он с ходу *историю*, стоя, озираясь на себя (как и все) и на стол круглый, на коем и хлеба ломти, и тушёнка вскрытая; луковица вот ещё каталась, и зубья чесночные вразброс, словно патроны... Исключая виды паркета затёртого с окурками и шелухой, всё было цивильно: сервант с тренькающей в рюмке от сотрясений гулких медалькой-шоколадкой, телевизор цветной, ваза с ландышами из пластика, фотография внука-школьника у семисвечника на комодке... Итак, история радетеля прав конституционных:

— До дембеля месяц оставался. А нас в фуругоны по тревоге—и сюда! Как овец в арбе, свезли битком. И ничего в спешке не понять: учения?... Чтобы служить дома, в Кишинёве, родители военкому двести долларов кинули; тот мог и «отмазать» вовсе—за «штуку»... и вот я при штабе бока окопачивал с выездом на стрельбы раз в квартал. Хм,

по расписке: тридцать патронов для «калаша» и сорок пять для пулемёта... К битве *иной* тяготел я,—приткнул автомат к табуретке, сел на неё; и всех пригласил жестом к дивану.—В училище искусств поступил: на руководителя коллектива фольклорного, танцевального. А меня сюда: восстанавливать целостность государства!.. В подчинении моём двое, «морпехами» их окрестили,—на крыше в дозоре по периметру: *докладывают*. Наша точка крайняя в линии, а «морпехи» знай себе—в дозор. Я и включаю-выключаю фон: «говорю», что диверсантов не обнаружено, чтобы только *мои* успокоились. Внуки чабанов с холмов Молдовы Северной, «морпехами» прозвали их *за то*, что уверены, будто с Америкой воюем. Офицер на политучёбе выразился некорректно: Америка-де руками России угрожает Молдове; а они так и свели конец и начало... Упёртые—спасу нет; лук и чеснок поглощают, стресс глушат, утверждаясь, что сепаратисты—пособники Америки. С детства их учили чабаны: Россия с добром к Молдавии, а со злом—турки и англичане... Офицеры махнули рукой: с Америкой, так с Америкой! Хотя по уставу воин обязан знать, против кого бой... Я же вскипаю *от осознания*: руки дрожат, голова кружится, пот и озноб... Грех, грех—и для ваших, и для наших—убивать!.. Терпеть не могу оружие. А *те*, на чердаке, трутся у пулемёта день и ночь, смазывают, перебирают. Автохтоны, говорил профессор в училище про сельских. И с тягой к машине смерти: баранов и индюков резали—и с «америкосами» поквитаются, *с вами!*.. Одни животные гнобят других; кровь льётся рекой, как поёт Мик Джаггер... Тошнит. Не стрелял, а уже облевал крышу, когда позицию осматривал... Многие из наших полегли у исполкома, выучки ноль. Офицеры про потери те—молчок. А сколько смотали удочки? Стучатся в дома, просят одежду, вплавь—за Днестр, в Украину бегут. А «орешкам крепким», кто *за возрождение* нации, им бы скальп снять кому из вас, сепаров!.. Злодеяниям по обе стороны несть числа. Хм!.. А ныне приказ: сдавшихся считать дезертирами. Всё, баста, выхода нет!

Стало ясно: перед ними срочник армейский, чуждый грабежам и расстрелам.

— Как зовут тебя?—на правах хозяина поинтересовался Ефим.

— По-молдавски—Николае... по-украински—Микола... Коля—по-русски!

— А по национальности?—наседали Владимир; он уж освоился вполне.

— Наполовину—молдаванин, а на другую—холод,—улыбнулся сержант.—Школу вот русскую окончил... в училище же выбрал группу молдавскую—из-за стипендии...

— А я окончила консерваторию! И сразу—в хор церковный! Мы—коллеги!—Дойна смягчала напористость Владимира.

— Айда с нами! — краюху хлебную заглатывал Владимир, распорядившись здесь каждым и заглядывая по углам. — Выберемся из зоны боёв и — в Кишинёв! Ой-ля-ля, Николая...

— Дезертиры о возвращении домой не мечтают. А мне ещё учиться, семью строить...

— Неужели одно — *воевать*? — с тоской Дойна.

— Пять долларов... — Николай пронирывал по гимнастёрке, не слыша. — Бабушка на именины подарила. Возьмите! — тянул он Дойне купюру. — Не медлите, огонь крепчает.

Ефим сидел очарованный, блистая слезой. Владимир хмыкнул. Дойна отдернула руку.

— Берите и *бегите*! — Николай ввернул хрустящую в ладонь девушки. И — промельк плутовской в лице: — Знаю: *вы в розыске!* Я перехватил ориентировку штабную: «Побег журналиста с пособиями, в том числе — женщина...» Садами уходите — к трассе на Каушаны. Беженцы тянутся туда, это нормально: коммандатура ломает голову, что делать с лишённым воды, газа и электричества жителем... Вот-вот явится лейтенант.

Дойна обогнула круг света от фонаря, упрятала деньги в лифчик. Затем шагнула к служивому и, пригрозив прежде Владимиру, зашла речитативом, словно с клироса:

— Николай, *ты* наш Угодник. Прими иконку: «Святая Троица», носила, тебе передаю. И пусть охранит сердце твоё чистое, защитит от умысла злого и слеза и от пули спасёт!

— А если наступление? — дождёвывал Владимир. — Придётся ведь и за цевье... хе-хе...

Не досказал. Взрыв силы непомерной расколол сознание, как арбуз, — и ужаса всполохи смачные, и восторга ляпы (раз живы, раз не убило!), и хохота брызги бесовские (послевкусие: не издевад, не понять!) вылизывали изнутри черепа мозга мякоть. *Впечатление*: снаряд за дверью смял в гармошку марши лестничные!.. Но — *по-прежнему* всё: и семисвечник на комод, и фото... и ландыши в вазе... Лишь в ушах звон. И качка!

— В поле за домом снаряд угодил, — пояснил весело Николай. — Я привык!

Ефим бросился зигзагом, равновесие храня, к ящикам комода, к серванту, к тумбочке под телевизором: искал на ощупь, бормоча. Выхватил чётки коралловые из шкатулки — в карман, бусы сердоликовые — на шею Дойне. А книги: Тора, Галаха, Шул хан Арух, — как *их* с собой?.. Обнялись по очереди — с Колей, от коего не разило ни войной, ни отчуждением (интеллигент, выбрит). Ринулись вниз, перепрыгивая ступени. Дилеммы «что делать?» не возникало — для тела о головах трёх, свет в конце тоннеля узревших.

Ан чёрт не желал шутить. У выхода из подъезда Владимир (вожаком он) наскочил на офицера, у коего бант белый на груди, за плечом же — в обуздании небрежном «калаш». Но передёрнуть затвор,

скомандовать зверю железному: «Взять!» — или им просто: «Руки!» — как это принято (час комендантский, да и беглецы на ориентировке!), — не удалось. Блюдя лидерство, Владимир бросился на воюку, будучи ростом вровень, заглатывая спиртом потевшее вдоха-выдоха марево поршней нутряных его. И в стиле портняжьем (шито-крыто!), без стали посвиста широты, скovyрнул, будто профи, *что-то* в такт себе под взопревшей *его*, молдаванина, гимнастёркой... *Вкусил*. Вибрировала током по лезвию вдоль канавок кровь человека, сделавшегося близким тревожно... и — иссяк импульс на острие с интонацией песенной Кодр (откуда и был он родом, *этот*). Испытал Владимир новое — *о нём* и *в нём* — с жизни аккордом последним лейтенанта молдавского. Шли они в объятия годы, к сути этой несносной (наносной) — с задачей шли: один — улицами и умом линейный, другой — лесом витиевато-помпезным...

— Василаке — меня зовут! Я из Ниспорен!.. А ты — *кто?*.. Не отпуская на землю...

Ничего больше не сказал — только то, что сказал — с акцентом выдал убивцу наказ.

— Тс-с... — но уши себя не слышали.

Обмяк Василаке. Так и держал его на штыре точёном пьяный кровью экс-предводитель движения рабочего. Не назвался *ему*, зная, что имя *заберёт* он *туда*, за грань! Досаждало и то, что нет логики в воле последней жертвы: куда ж его, как не на землю? На порог, котами меченный, к мусоросборнику, а может, на диван?.. В газон его, непрошеного, человека бывшего, к отмостке фасадной, где тропы забуддыжные, стекло битое и фантики конфет?..

Автомат взять не решились, и штык-нож — у трупа в груди. Вперёд, вперёд — и не оборачиваться: в столп заледенеешь... Закон попра, всё во Вселенной потрясено!.. И никто не сбивается с шагу... Позади микрорайон. С вершины горы Суворовской, что за полями-садами, взирали они во все глаза на хаоса действо. Пульсировал в ночи город, озарялся снарядами всполохами (наподобие электросварки те дуги взрывные, вскипающие бурно и опадающие скопом)... Почти бежали, чихнув *от памяти*, просёлком... Тёмные окна домов одноэтажных... Ни прохожего, ни собаки. И никто не окликнул: «Стоять!» Всё замерло вокруг и замёрзло: в жару июньскую — *стынь полярная!*

Дуб поваленный в куртине леса близ трассы Каушанской путь заградил. Они присели.

— Я имя своё скрыл от него... Я — трус и ничтожество!.. — дышал часто Владимир.

— Смерть эту мы разделим с тобой, — впервые перешёл на «ты» Ефим.

И ещё через час хода по леса кромке вдоль трассы, где не проехал ни один транспорт гражданский, лишь фургоны военные (от фар их беглецы к деревьям припадали), тройца повалилась в травы.

До Каушан, судя по указателям дорожным, восемь километров ещё...

Свежесть ночная расслабляла. Однако и сна не было.

— А как *ты* вляпался в политику?— обратился Ефим к Владимиру.— Облегчи душу.

Луна освещала их бивуак у ручья призрачного, реальное сводя к теней трепыханию. *За чертой* многое теряет смысл. И обязательства письменные хранить тайны в том числе.

— Я учился в Одесском политехе. На втором курсе дал согласие на сотрудничество так называемое. Эх!.. Но к делу. Лет за семь до перестройки произошёл раздел округов военных и дорог железных: молдавские и одесские—врозь. Раздел коснулся и структур Конторы горячо любимой. Фишку рубишь, Ефим: как оно всё зачиналось—по границам разломов будущих и линиям огня?.. Тирасполь и Бендеры наводняются агентами, идеи в массы провозжатыми: «Свободный народ на свободной земле!» Сравни: «Земле без народа—народ без земли!»—цитируя воззвания из источников разных неопалимых, Владимир словно ухватил за гриву конька.— Лидера пэмээровского уровня любого возьми: все обучались в Одессе... Кишинёв жертвовал Тирасполем и Бендерами, кои, по сути, и являют ПМР, и с проектами возрождения духа национального не лез сюда. Ты—выученик Кишинёва и если б не покидал его, то лил бы на мельницу под патронажем ребят сердца горячего тамошних. Еврей, с тебя и взятки гладки, ан дотумкал быть от конторских подальше. Петух же войны клюнул—в Израиль лыжи наострил!— Да и вы к берегам иным намерились!—опять на «вы» Ефим.— Но продолжайте!

Дойна бормотала молитву:

— Господи, помилуй!..

— Нас держали в рукавицах ежовых,—сподобился далее Владимир,—и нам давали шанс... хм. Зарплату получал, числясь начальником цеха в «ящике» военном. За два года до войны мне, одному из спецов *номинальных*, поручили создать комитет рабочих, кой прибрал бы после коммунистов вожжи идеологические. Отвели здание старинное, круче горкомовского—не в плане комфорта, а по надёжности погребов в случае осады. Рядом Дворец пионеров валится, нет средств на ремонт, а мы, власть грядущая, депеши шлём директорам заводов и с корпусом депутатским нога на ногу дискутируем *о том*, что дальше так жить нельзя: ох уж это «движение национальное Ионов» в Кишинёве! и паче «Закон о языке» их! А дань с промышленности левобережной, как с вотчины?.. «Эта земля никогда *им* не принадлежала!»—внушали мы, пятеро нас, креатур. «Никогда!..»—блеют в ответ депутаты. «Провозглашаться, стало быть?»—«Так точно! А война-то будет?»—«Нет, не будет: извечная заступница

наша, Россия, не позволит!»—изрыгали мы довод и—в баню к девчонкам...

Взыскуя к луне полной, Владимир и ещё принудил себя:

— А в Кишинёве воздвигают памятник у музея Исторического—волчице, из сосков которой хлещут молоко имперское *Ромул и Рем*... А к музею Бендерскому грузовик катит с тонной прутос сталых—для оснастки увлечённых Провозглашением; автоматы в подвалах комитета рабочих—тоже ждут часа!.. Как я сказал, разделение Молдавии на картах-схемах тайных произошло в начале восьмидесятых. Но все они—это я о двух сторонах «патриотизма»: и выкормыши *национализма пещерного*, и проект *интернациональный*,—курировались Конторой. «Если без требуемого временем *раздела* одной шестой не обойтись, дабы модернизировать экономику и администрирование, то раздрай этот эпохальный надо *возглавить!*..» Вот и зарпортовались, деятели!..—рвал Владимир сорочку на груди, глазами увлажнёнными сверкая.— А я *его* вижу!.. Труженица *его* вскормила... А я эти смыслы бытийственные: «Мы с тобой, сыночек, как ниточка с иголкой: куда ты, туда и я!..»—перечеркнул... до сердца... Прости, Дойна, дичь с ножом у шеи твоей отчебучил... ох, кручина!.. Василаке!.. Василий по-русски...

— И у смерти есть достоинство, её заслужить надо... Поплачь, Владимир!.. А ты, Ефим, спи! Нам надо примириться с *жертвой нашей!*—шептала Дойна мужу своему.

3.

Каушаны были полонены беженцами с микрорайона «Ленинский». Жители же центра Бендер шли по мосту отвоёванному—за Днестр, на восток, в незатронутый войной Тирасполь, далее с вокзала—курсом на Украину, Белоруссию, Россию... Итак, Каушаны, к югу от Бендер расположенные и не вошедшие в анклав, в века средние преобладали, будучи столицей административной Бессарабии. А форпостом военным на окоёме империи Османов служила крепость Бендерская. Кишинёв же тогдашний—деревушка-приют гайдуков близ Кодр заповедных.

Нечёсаные, в саже, брели они по выбеленным солнцем улицам городка аутентичного. Но многие здесь такие: на пяточке раздачи пайка у при мэрии; полицейские в касках полевых и глазом не ведут на прибывающих из Бендер «хипарей» (беженцев-бешенцев) со взорами ошпаренными... Трагедия вселенскую несёт Владимир, понурился голову, вослед Дойне и Ефиму: с лидера замашками у него как отрезало... На улочке близ колодца с распятием скульптурным у Дойны живёт сродственница, можно перекантоваться, пока не оттаёт разум от бытия *тяжести* ледяной. Дальнейшее—в руках Господних!..

— Я спасла его! Он женится на мне, и— в *Израиль!* Новый год будем в граде Святом встречать!— выпалила Дойна, теребя бусы на груди и тыча— то ли во Владимира, то ли в Ефима, когда хозяйка сердобольная (со многими в Бендерах она дружна— с батюшками, певчими и просто прихожанами) оттягивала калитку засов.

Тридцатитрёхлетняя Домника была женщиной пышной и славной во всех отношениях. Муж её— тоже молдаванин— подрядился бригадиром на строительство дома частного под Одессой. Дочь— пятиклассницу и сына— дошкольника по случаю страсотерпцев явки (Дойну она звала от войны начала, пока связь телефонная не оборвалась) отправила к бабке... И закружилась гостеприимица, как юла. И место для душа в огороде указала, и с одёжкой не поскупилась (не беда, что с плеча чужого), и для вещей грязных бак определила, и индюка знатного из стаи в сарай резать поволокла... Дойна помогала ей, об ужасах, что испытали, вещая на ходу... Про убийство офицера молдавского умолчала.

Омывшись, мужчины *нашли себя* в погребе, покуда в кухне летней скворчало на плите.

— Русские— за Днестр! Евреи— в Днестр!...— притуляясь к бочке винной, Владимир протягивал стакан запотевший Ефиму.— Наш Поток полный: утонем *вместе?*

...Ефим страхаду напарника вверх по ступеням крутым на веранду, виноградом увитую,— к изобильному по-молдавски столу. Гость с расслабухи и зашёлся пред хозяйкой в комплиментарностях— и не только по поводу возможностей кулинарных. Сбавил обороты, узнав, что Домника ухаживаний не приемлет: «лишь от мужа, *что* от Бога!»

— От Бога?— переспросил вольно Владимир.— Но Он— мужчина!

— Бог,— отвечала хозяйка,— ни *кто* и ни *что*— а *всё!*..

Дойна улыбалась, зная школу...

И вот всем открылось по случаю *о его* семье. Жена с детьми уехала... в *Израиль!* Туда, не ослышались. Детей двое, в том же возрасте, что у Домники. Упомянув о них, Владимир ударился в слезу: один как перст в царстве-государстве самопровозглашённом!

— Еврейка?!— Ефим поперхнулся замой наваристой.— И вы скрывали?!

— Ты же помнишь, Ефим, фольклор городской наш: «Кинь взгляд в Бендерах— хошь не хошь, а в еврея попадётся!..» И я вторился во времена оны... чего уж тут!..

— Вот откуда это ваше «пристрастие»— к вопросу иудейскому?

— Контора, молодой человек, *она*...— пьянел Владимир,— *она* крестила на Слово и Дело и лоботомию вершила, а не суженая моя, науськивающая обрезаться ниже, хе-хе!..

— Жена требовала обрезания?— чуть не рукоплескала Домника, ликуя, что беженцам помогла.— Евреи— народ избранный!— дивилась она в тайну заветную, румянясь.— Иисус Христос был евреем! И вы могли бы... приобщиться...

— *Гиюр!*— чеканил знанием Владимир.— Чтобы стать *человеком*, да... К особи мужеской подходит мogleь, заостряет у себя ногти и— рвёт счастливицу плоть по крайнюю...

— Где черпаете знания допотопные?— смеялся вполне искренне Ефим.

— А если мogleь не выпьет кровь ту, вылетит из синагоги в два счёта!— Владимир ни в какую не давал опровергнуть.— Ох, будто специально и война эта: вытолкать евреев с мест насижённых! Так-то...— стрелял он только в ему ведомое.

После сиесты компания собралась в гостиной. Ждали по телевизору новостей, в коих талдычилося о разрушениях застройки жилой в артобстрелы, хотя по правде ни один дом многоквартирный в микрорайонах полностью сметён «Градом» армий враждующих не был, лишь строения сектора частного. В ночь сию Кишинёв предпринял авианалёт на мост через Днестр. Мост не пострадал; на месте же подворий ближайших— воронки дымящиеся... Домника утверждалась, сколько горя хлебнули и её постояльцы. Извлекла из укладки двадцать долларов, наказав Дойне отправляться поутру за майками и шортами— для конспирации. Ведь в виде «опалённого» (стирай не стирай, гладь не гладь) можно и *накликать*: волонтёры военные, ожидающие переброски в зону боёв, готовы в плане репетиции наkostenять «сепарам», горнила избежавшим. Примеры есть. Одна беженка опознала на грузовике scarb свой: холодильник, два кресла, шкаф, а в нём пароварки, четыре престера для утюжки (возила их в Польшу на продажу). Накатала жалобу в полицию. Виновник вернул барахло—оказался он офицером армии конституционной. Дама уже арендовала гараж, куда сложила пожитки, только престера не досчиталась. В гараже том и обосновалась войну переждать. И вот «в кусты» приспичило ей. Там её и нашли— с трусами спущенными и престером, к лицу припечатанным...

По телевизору преподнесли *нечто*. По инициативе Кремля стороны договариваться в Москве начали. Владимир аж стакан накрыл ладонью, чтобы яростью не заразить:

— Комиссия трёхсторонняя— повод признать на деле пмр!— почти взревел он.

Женщины притихли; Ефим и Владимир углубились.

— Десятки лет возгораться конфликту и тлеть. В этом ряду: Ирландия, Страна Басков...

— А был ли путь, *кроме* независимости?— не уступал Ефим.— «Закон о языке», побитие депутатов

Левобережья и многое, о чём Конторе вашей знать не дано?..

— Думаешь, в Тирасполе засели апологеты Свободы-Равенства, а в Кишинёве— румынская клика кровавая? Не было б директив из Кремля—мышь не пикнула б!

— Как с настроем сим вращались на орбитах?— подвигал и далее *интервьюируемого* Ефим.

— Мы ратовали против национализма. Но исподволь *вернули* сверху нам вектор— на Разрыв берегов. Через неприязнь эту взаимную и взята Бессарабия на поводок...

— Тенденции в политике... М-да!—Ефим подначил профессионально.

— По живому режут *тело народное!*— аж подпрыгнул Владимир— и ударил по столу кулаком.— Режут, не задумываясь о последствиях!!!

— Вы же сказали: *желают влиять* на Украину и Румынию! А Молдову, исторический хлам,— за бор! Гнобят субъектность её!— жестом успокаивал Ефим и женщин заодно.

— Э-ге-ге!.. еврей хитрый!— пригрозил пальцем Владимир.

Но от взгляда оловянного и слов с подтекстом Ефиму легче не стало.

— Евреи во всём виноваты— знали о войне задолго?! Не предупредили? Так, что ли?

— А то!..— заухмылялся Владимир, расставив локти.— В Конторе мозги прочистили мне, детективов чтения круче... А рассуждать с евреем *про евреев*— конфетка!

— Увольте, мы же интеллигентные люди. Про Контору *лучше*.

— Чего тут?— чесал затылок агент в подпитии.— Разве то, что по *их* причине я и с женой развёлся? «Не к лицу гегемону жить с еврейкой!»— заявили.— Старые времена канули...» И мужа нового подыскали ей, не заподозришь в фактов подтасовке— как в кино... А я хотел, чтобы приняла она безболезненно. Я человек субтильный.

— И буйным прикидывались от безысходности на поле личном?

— Может быть, может быть...— Владимир расклеился окончательно после мытарств.— В отношении ж семьи передела многоходовка была у *них*. Готовили из меня— Огурца!

— А это ещё *что* такое?— перешёл Ефим на доверительность упрямую с тембром пониженным (даже женщины, смутившись, ушли в своё, пересяв подальше).

— Вели меня... в *президенты!* Нынешний же оказался в нужное время и в месте нужном. А я— дублёр перед стартом космическим... Просто харизма у *того* и взгляд!

— Да уж, чернокнижник с бровями косматыми и бородёнкой крашеной...

— Кураторы бдят: низам нравится... А ведь давнo *урод* народ тот, раз клюёт на *кормищца*, что

посадит корабль на мель!.. Бл...ди, вонзили гарпун в сердце по кабинетов сговору— и сошёл дух... и брошено на поругание тело. Мясо пушечное! *Я и народ мой!!!*

Слёзы. Пришлось стопорить *интервью*. И шепотуны оставили насущное— косоглазия исправление в Израиле, а также догматику домостроевскую («Родители не будут против брака с евреем?»— «После их развода я определяю судьбу своим... И в паломничество по местам святым ты, Домника, поедешь с нами...»),— перешли в схоластику иную. Владимиру необходимо в бессознательное до утра, а вино потеряло силу.

— Васиlake!..— взывал Владимир, разрывая душу и размазывая по щекам потоки солёные.— Васиlake!!!

— *Кто* такой Васиlake?— спросила Домника.

— Сослуживец погибший,— ответила Дойна по-молдавски.

Домника принесла из погребца напиток *фирменный*. Засосал Владимир полстакана граппы в девяносто градусов— и в момент обратился в сома, на брег выброшенного: он глазами стекленел и рот раскрывал немо... Уложили в постель его. Уснул. Не праведника сном, а грешного грехом смертным. И сон был страшнее, чем явь, что сна страшнее...

Ему снился визит в Контору кишинёвскую, где и не был никогда, так как директивы получал из одесской. Перевёртыш! Ноги как на подушке воздушной— к Центральному парку, к памятнику господарю всея Молдовы, к месту сбора комбатантов, вздыкающих яростно к штабам о предательстве... За парком— дом с колоннадой, о коем ведают функционеры столичные... *Здесь* всё вибрирует уплотнением целевым; даже муха летит в холле по параболе замедленно-строгой... У дежурного на телефоне испросит аудиенции с Седым, такой есть всюду. «*Кто* ищет встречи?» Ответ: «Кто шествовал по пятам в коридорах власти сепаратистской и— подсекал на дистанции. *Лицом к лицу— лица не разобрать!*...» Приёмная— с зал вокзальный... Поэт национальный *тоже* в сон явился: никакой тебе вальяжности богемной— погоны синие майора горят у борзописца на кофте жёлтой. А сколько хулы изрыгнул он на чучело Феликса у арки Триумфальной, думал во сне Владимир. И зеркальцу карманному Поэт вслух: «Я уж десяток седьмой разменял! И *ещё* кланяться?...»— гроза манкуртов артикулировал по-русски!.. Предстала взору и голова говорящая телевизионная из ПМР, и *ей* у бюста Дзержинского перетаптывать время. Нагородила она в эфир за *Разрыв*— не одному поколению разгрести охаянное огульно «молдовское»... Прочие возникали— в форме и в штатском, животы подбирали и спины прогибали, как в жизни... Владимира черёд. Он и взвился.—...Ну и дела! Явился *Третий*, проваливший работу на участке... ишь, *криз экзистенциальный*

у него!—шагал по кабинету Седой. Лет шестьдесят ему, плотный, лицо без отёчности, пиджак твидовый...—В оперетте отдыхаем иль на подмостки социума преобразований вознесены?!..—ярится громогласно он.—Если с Первым и Вторым *что-нибудь*—время такое, война на дворе,—а вы *где?* Брешь в цепи?

—Хочу Правду.

—Вы знаете, сколько надо. И для вашей же пользы.

Унял спесь. Сел. «Он, конечно, ничтожество, приговорённый товарищами из Одессы,—думал чин,—но *свой*, чёрт возьми, требующий обхождения и перед казнью!..»

—Хм... Просьбы личного плана есть?

—Отзовите с фронта сержанта Николая, хореограф он... И—Правду, её и приму!

—Сократ на голову нашу!—бровью Седой, как мим.

Отыскал в столе ключ, сойти предложил в «Пойкой для операторов коммутирующих»—в подвал то бишь...

...Потолок в кафеле сияет, перегородка стеклянная делит куб: по одну сторону кресло дыбится, что тебе стул электрический; по другую—аппаратная. Владимир на «эшафот» влез; Седой ремнями приковал сновидцу руки и ноги, а сам удалился к пульту за стекло... Ради этого и жил, ради минут трёх, что Правда потоком бурливым откроет шлюз в вечность. Третий инициирован на принятие Истины, в отличие от Первого и Второго, ибо сказано: много званых, да мало избранных!.. *Три минуты, три минуты, это много или мало, чтобы жизнь за три минуты пролетела-пробежала?..*

Свет стал ярче. По нервам воспалённым проехался и смычок усилителя вещательного.

—За ритуал сей каждый голову сложит!—огласил Седой сверху и отовсюду.—Узнаешь, что знаем мы! Базовый в жизни стимул—Знание тайное! Мы им располагаем.

—Весь внимание!—из глаз Владимира—слеза страшная: в капле—надежд океан.

—Чтоб схлестнуться со Злом мировым, нами Принцип разработан. Запад думает, что мы восстанавливаем Империю,—ан деконструируем её!.. Мы сами всё прогнившее под агентов вражьих стопой опрокинем! Возьмём землю великую, пусть и разорённую в прах!.. Ну, это как в песне известной поётся: мир прежний разрушим до основания, а затем—наш, новый, Мир построим!.. Ха-ха-ха!.. —Хочу Истину!—заклинал Владимир наперекор вещания громкости.

—Молдова—противоречий клуб; в него и Румынию берёмся вовлечь—для Москвы улажения! Но Москва сама и становится событий заложницей!.. —Истину!.. Ваш голос—будто фреза в долю лобную... Умерьте звук!

—Поразмысли: *ради чего* междуречье Прута и Днестра с центром административным в Кишинёве

назвали Молдовой? Правильнее б—Бессарабией, как при царе Горохе...

—Истину!..—Владимир изнывал от громкости динамиков.

—Молдова историческая со столицей в Яссах—растворена в Румынии, с коей стараниями нашими не подписан о границах договор. Чтобы Молдове воспрянуть, надо проект «Румыния»—слить. В чём ты, Третий, и вызревал до поры, запуская с одесситами проект «ПМР»... Под прикрытием создавался анклав сей на Днестре, где тебе должно было двинуть войска на Кишинёв,—чтобы зверь румынский заглотнул...

—Сделайте звук тише! Молю вас!

—Бухарест ринется на выручку к *своим* в Кишинёв. Пийт в приёмной—из когорты той *ура-унионистов!*.. И это на руку нам. Входим в состав государства вражьего, точим его вместе с венграмми, что мечтают о крае Секуйском суверенном... Явим Молдову—со столицей в Яссах, а Валахию—в Бухаресте... мухи отдельно, ну и котлеты...

—У меня голова... как в канонаду!..

—Но преткновения камень—олигархи. Одобряют дробление в границах корпораций, уж поделивших народы в иерархию с учётом возможностей кошелечков их слаботочных!..

—У меня кровь из ушей каплет... звук вырубите!..

—Только страны-отщепенцы способны вырваться из Конфигурации, явить *ничто* в противовес Плоскости всеобщей мертващей!.. Абхазия, Карабах, ПМР,—цветочки пока!

—Вы включили вибрации?! Раскалывается мозг!!!

—Столбить тебе, парниша, в Непроявленном отныне!.. В Проявленном всё занято *иными!*.. Сказал же оглохший от Истины Бетховен: «Жизнь есть трагедия, ура!..»

—...*За что* я убил человека?! И говорите громче, я уже не слышу!

—*Кровь сковывает жертву и палача, тормозит становление свобод гражданских. В этом наш Принцип новый, забытый старый... ГУЛАГ навсегда, ГУЛАГ—forever!*

—Нет. Ничего не слышу!.. *Но знаю:* Истина! Истина наша родная, Системная!!!

...Владимир умер. Как умирают во сне. Слышал и видел куратора верховного своего, протокол штемпелюющего о гибели агента провального. И было это для Владимира сокровенностью,—как и Седому знающий откроет то, без чего ни один апологет тайный не уйдёт. То, *во имя чего* голова им на плечах носится—а если надо, на Алтарь слагается,—этот смысл должен быть раскрыт! Быть может, в поездку ближайшую в Москву (с вводом сил миротворческих в ПМР) будет Седой встречаться на Лубянке-Ходынке-Поле Ясеневом с кардиналом Серым и Седым всея Руси—чтобы *испить* Истину порядка нового!

И тут в поту холодном Владимир угодил в сон *другой*. На простынях смятых койки панцирной он; в глаза бьёт солнце люминесцентное... Ни души в палате узкой и длинной. Кто он? Агент спецслужб в больнице психиатрической? Узник инквизиции? Иммигрант политический, на жизнь приговорённый?... Дверь отворилась; входят красавица Дойна (левый глаз её не кривил) и Ефим. Дойна тянет корзину с фруктами:

— Дары края морей трёх: Средиземного, Мёртвого и Красного!

И Ефим силится выказать участливое:
— Вы перенесли стресс. Нужна реабилитация... И— как в гимне звучит: «Будем мы снова народом свободным на Родине нашей...»

Владимир шурился блаженно в ответ и, *не слыша себя*, шептал:

—...Я выдюжил!..— и в сон другой канул, ступая босо по полю, взрытому снарядами,— в объятия Василиаке...

4.

Через евреев, бдящих в Каушанах когортой со времён екатерининских, Ефим разузнал подробности репатриации экстренной в Израиль. Улыбался догадке внезапной, глядя-вслушиваясь в трав и цветов переливы до горизонта: вот он, прямой, как стрела, путь в Землю обетованную! Отовсюду вдруг воссияли холмы призрачные, походящие на Сион... в знойной степи Буджакской— за огородом Домники...

— Как ты на них вышел?— вопрошал Владимир с подушек.

На лбу у него белела повязка укусуная, а на тумбочке— бутылка с рассолом от хозяйки, что на кухне хлопотала.

— Рыбак рыбака, так сказать...— не вдавался Ефим в явки подробности.— А вот полиции тутошней до нас дела нет! Виват нам всем, виват!

— Мы и *там* им потребны лишь на окопы. Война для галочки, штабы диффузные всё решили давно. Главное, чтобы никто не уклонился!.. Как ты насчёт конспирологии сей?

— Работа— лучшая поэзия. Солженицын в этом нас убедил— в «Иване Денисовиче»...

— М-да, Ефим!— откинул Владимир со лба компресс со сравнением книжным.— Хотел спросить тебя, да недосуг: *что* делал, *где* был, раз попался в лапы вояк?

— Шёл на квартиру бабушки,— светился Ефим.

На день третий освобождения он проникся мессианством и к медведю разлапистому на перине.

— Для чего?— допытывался Владимир.

— Чётки... вот,— Ефим и впрямь теребил в руке чётки коралловые.

— Брось лапшу вешать!

— Должен был исполнить обет семейный,— не сбивался в оправдания Ефим.

— Монета периода Хасмонеев, небось?... Аль семи-свечник на комодке— из золота?

— Менора— из бронзы. Есть и другие реликвии у нас.

— Какие?— Владимир не спускал.

— Прапрадед завещал, прадед взял клятву с деда, дед— с меня: в Земле обетованной камень от Стены Плача обратно возложить,— Ефим раскрыл свёрток из кармана.

— Камешки какие-то, истёртые почти...— Владимир морщился, разглядывая.

— Да, ценят евреи *известняк*— не только изумруды и алмазы,— был прост Ефим.

— Что ж получается: старцы с бородами до колен и в камилавках перед тобой стоят, ждут исполнения? У тебя ж диплом универа,— ёрничал Владимир.

— Не *стоят*, а сидят— на реках, как в псалме поётся,— и плачут, вспоминая Сион... Так и в ха-Тикве,— наполнил Ефим паузу щекотливую:— «Пока не угаснет в сердце огонь нашей души еврейской мятежной, будем к Востоку идти мы, взор устремив на Сион...»

— Ага, *вывод*: ты меня, презревшего амбиции и долг, павшего до убийства офицера молдавского,— будешь агитировать в Израиль, апеллируя к детям: они, мол, *там*!?

— Верно.

— Думаешь, если я с Конторой не в ладах, то никому и не нужен по определению— ни конституционалистам, ни сепаратистам?... Я— носитель Знания тайного...

— Тем паче выбор ясен,— снисходительно Ефим к позе оппонента.

— Но у меня нет документов. О каком выезде речь?

— На то мы и беженцы. Зарегистрируемся в Кишинёве— в Обществе культуры еврейской, оно же и посольство: бумаги от евреев каушанских кое-что значат там!

— Как же я, русский до мозга костей и *не* из последних,— в эту вашу страну картавую отправлюсь?! Я же не просто вóроном белым буду— а стану значительнее антисемитом!

— Ой ты, гой еси!.. И среди евреев нередки споры межконфессиональные...

— Предложение заманчиво в целом, мой друг, хотя детали...

— Я готов поручиться, что жена ваша, дочь и сын— *уже* в Израиле!

— Зачем тебе это?

— Хочу помочь. Или считаете, что еврей и пальцем не шевельнёт ради *другого*?

— Мне преподали знание иное основ— отрекаться?— Владимир недоумевал втуне.

— Начните с листа чистого— как подобает *человеку*! И на прародине человечества! Уж поверьте, оттуда мы и выведем всех *их* на воду чистую, *диффузных* ваших!

Этих слов оказалось достаточно, чтобы троица, чудом спасшаяся из плена, засобиравалась — уверившись, что полоса тёмная минула и впереди сплошь судьбы обходительность... А сколько тех, кому не дано поблажки? Кто изнанку телес своих являет под завалом бомбардированным, а если и остался в живых, то не знает, кого винить в стратегиях оглашенных: патриотов или либералов, Молдову, Россию или Америку пресловутую?... Те, кому повезло, хоть и претерпели

(труд рабский в окопе звенящем, отсутствие еды и воды, иго страха смерти), будут благодарны воле случая — за возможность узреть свет в конце туннеля... Вечная память погибшим... И вечная слава живым, кто осмелился мыслить — и призвать к ответу зачинщиков Террора, а также пособников его! Это нужно мёртвым, это нужно живым. Иначе все мы (и поколения грядущие) в потоке бесконечном соглашательства в скотов превратимся!